

Ретроспектива

(Excerpt in Russian)

Translated by: Veronika Starkova

Contact of the translator: starkova.veronika2014@yandex.ru

И в этом романе все лица и события вымышлены. Любые совпадения с настоящими людьми или событиями совершенно случайны и не намеренны.

Эрика Видиц Кореника пребывала в прекрасном расположении духа. Не в последнюю очередь это был и ее вечер. Конечно, не только ее, и она была далека от того, чтобы выступать в главной роли, но все же. Эрика не допустит, чтобы подобные мелочи испортили пятнадцать минут ее славы. Ее коллеги, Мойца, Таня и Даница, скажем, сегодня здесь ради нее, а не наоборот. Мойца, конечно, и так иногда приходит на выставки, хотя бы из-за мужа, который такими вещами интересуется, и Даница иногда появляется на какой-нибудь выставке. Хотя, откровенно говоря, только для того, чтобы показать новое платье или свежий *лифтинг*, ведь искусство она никогда не понимала. Таня же, и в ней она была уверена – впервые в жизни пришли на открытие художественной выставки.

Эрике Видич Коренике было пятьдесят три года, но этим вечером мало кто мог бы дать ей столько. Стройная, с фигурой тридцатилетней женщины, в дорогом, немного вызывающем облегающем платье, с короткой модной стрижкой и без единой морщинки у нее было полное право на то, чтобы сиять.

Дело было вот в чем. Ее тестю, художнику Карлу Коренике большая и серьезная галерея подготовила большую ретроспективную выставку. И в эту пятницу, шестнадцатого декабря, будет ее открытие. Работам Карола Кореники отвели почти все помещения выставки, и их было немало. Весь первый этаж, кроме так называемого малого салона, комнаты за туалетами галереи, где была выставлена некая современная инсталляция, представляющая собой груды камней. Рисунки, графика и картины Карола Кореники занимали весь второй этаж, для ретроспективы была выделена также информационная стойка галереи в подвале. Здесь можно было посмотреть различные публикации, связанные с жизнью и творчеством Карола Кореники, документы,

монографии, каталоги и так далее. На первом этаже галереи были выставлены *более простые* работы на бумаге, рисунки, наброски, несколько графических рисунков.

Карол Кореника был художником классической школы. Мастер рисования, выдающийся портретист, он в течение всей своей долгой жизни остался верен фигуративизму.

На первом этаже выставка полотен. В основном – пейзажи Марибора, Парижа и Триеста, городов, в которых он прожил свою жизнь. Коллекцию дополняло несколько больших природных пейзажей и красивых портретов. Главный куратор выставки и влиятельный художественный критик Роман Доли, который любил к своей подписи добавлять «М.А.», что обозначало «magister artum», не преувеличивал, когда в вводном слове провел параллели между работами мастера Кореники и Люциана Фрейда, *которые мы могли видеть в этом году в Венеции*. Ему удалось даже провести дерзкое сравнение и выделить общие черты с картинами Фриды Кало, работами которой *в этом году можно было насладиться в «Tate modern»*. Сравнения были хорошими, уместными, и к тому же, господин Доли дал знать всему обществу любителей искусства, что в этом году он был по крайней мере в Венеции и Лондоне, и, возможно, где-нибудь еще. Ему хотелось слыть человеком знающим. С этой целью в таких случаях как, например, сегодняшнее открытие важной выставки, вместо галстука на шею он надел не особенно выделяющуюся, но все же цепляющую глаз бабочку.

Так как художник Карол Кореника два года назад в возрасте восьмидесяти восьми лет во время подготовки к ретроспективе, к сожалению, ушел из жизни, звездами предстоящего открытия были его настоящая и бывшая жены и его дети. У него было три сына, все дети были от первого брака со словенкой, живущей в Италии Ангелы Тутти, которая после развода пятнадцать лет назад сохранила фамилию мужа и сейчас называла себя не иначе как Тутти Кореника.

Средний сын Ангелы и Карола Кореники Реймунд был мужем Эрики. Эрика считала себя единственной «правильной» снохой художника, на что она имела веские основания. Старший брат Реймунда Сильван, который как раз сейчас крайне некрасиво и слишком громко смеется в обществе женщин в углу рядом со входом в галерею, несмотря на то, что ему уже пятьдесят пять лет, только собирается жениться. И до свадьбы, положив руку на сердце, не факт, что дело когда-либо дойдет. Второй свояк Эрики, младший брат Реймунда Алеш – Эрику передернуло – гомосексуалист. Его хотя и постоянный партнер Клаус Эрик не представлял для нее серьезной конкуренции. Так-то она не имеет ничего

против гомосексуалистов, но этот австриец Клаус просто не ровня ей – замужней, принесшей клятву Богу и заверенной регистратором жене.

Итак, этот вечер принадлежал Эрике на всех основаниях. Хотя, и ей пришлось это признать, это было утомительно. Все время нужно быть с гостями, быть готовой ответить на разные вопросы, кивать направо и налево, все время улыбаться. Но для Эрики это было совсем не тяжело, подобно английской королеве, она смирилась с судьбой медийной личности и с достоинством страдает.

При всем этом ей удастся еще нечто, чему она очень любит посвящать свое время. Все время она внимательно наблюдает за окружающими и составляет о них мнение.

В том углу Сильван все так же неподобающе смеется и опять пьет больше, чем надо. На семейных встречах он тоже постоянно напивается. Иногда он даже на нее поглядывает, так, незаметно... и на что-то ей намекает. Эрику охватывал ужас, когда она вспоминала о недостойном поведении брата мужа. Даже самой себе она случайно не могла признаться в том, что его намеки в уголке сознания, где-то в глубине его, скрытое за правилами и условностями правильного поведения, и – что еще важнее – скрытое даже от признанных и исповеданных грехов, доставляют ей большое удовольствие. Как обычно, рассуждала дальше Эрика, свояк окружен девицами в то время, как Мартина, эта, между прочим, тоже не бог весть что, весь вечер торчит на втором этаже. Все время она стоит рядом со своим портретом, одной из центральных картин на выставке. Тот факт, о котором Эрика подумала в этот момент, очень ее задевал. Почему старый Кореника изобразил Мартину Заец, женщину, которая жила с Сильваном в гражданском браке, как сегодня любят называть это безобразие; ей же, живущей в браке с Раймундом больше двадцати лет, ни разу даже не намекнул на то, чтобы написать ее портрет. И к тому же, Эрика была красивой женщиной, Мартина же – ничего особенного. Да к тому же, этот ее чудаковатый сын от первого брака.

Наблюдение за тем, что происходит в переполненной галерее, в которой толпилась, болтала и потягивала вино из элегантных бокалов на ножках вся городская элита, Эрике хорошо удавалось, так как она выбрала идеальную позицию для этого. Эрика Видич Кореника сразу же после окончания посвящения и речей по случаю открытия на втором этаже, когда гости начали общаться и гулять вверх и вниз по галерее, встала на третью снизу ступень лестницы, которая вела с первого на второй этаж. С этого места, немного встав на цыпочки, она могла следить за событиями на всем этаже и, что было особенно важно, каждому, кто хотел бы подняться на второй этаж или спуститься на первый,

хочешь-не хочешь, приходилось пройти мимо нее. С лестницы она очень хорошо видела, кто входит в галерею, кто уходит из нее, и кто с кем выходит покурить. Эрике было неинтересно, кто курит; но то, с кем он это делает, занимало Эрику. Именно в этот момент выкурили свои сигареты и вернулись в галерею ее старший свояк Алеш и его друг Клаус. Когда она их увидела, мысли Эрики Видич Кореники перескочили в другое место.

«Однажды, как я могу вспомнить, была ранняя осень, солнце проливало свои лучи сквозь большие окна. Печь затопили скорее по привычке, чем из необходимости, ведь дни стояли теплые, и я, как обычно, играл в мастерской отца. И затем...»

Сильван Кореника, высокий, достаточно привлекательный полноватый мужчина пятидесяти пяти лет, наслаждался жизнью. Эти девушки, эти студентки художественных университетов и молодые любительницы искусства в качестве общества очень ему нравились. Особенно эта низкая светловолосая девица, эта Тинкара или как ее там, которая стоит прямо рядом с ним, и, как казалось Сильвану, особенно громко и долго смеется над его анекдотами. Под открытым норковым пиджачком он видел ее обтягивающую майку и под ней чувствовал маленькие, напряженные и упругие груди. Если потом представится возможность, эта девочка вечером...

Этих девочек совершенно не смущало, что Сильван не умел рисовать, что он никогда даже не думал о том, чтобы стать художником и что он был хронически нетворческим человеком. В нем они видели замену великому мастеру. Не в последнюю очередь, потому что он был его старшим сыном. И поэтому Сильван Кореника с большим воодушевлением рассказывал свои воспоминания об отце. Большую часть того, что он рассказывал, было неправдой, – он говорил девушкам то, что им хотелось услышать. Содержательные анекдоты с глубоким смыслом, напряженные сюжеты, клише о страдающем художнике и подобные вещи. То, что они с отцом терпеть не могли друг друга, Сильван не упомянул. Кому это вообще интересно, скажите, пожалуйста.

Он кивнул официанту, чтобы тот подошел. Общество обновило бокалы. Сильван острым взглядом оглядел поднос и потянулся за самым полным бокалом. Отличное вино сегодня наливают.

Тут и там он оглядывал галерею, во-первых, для того, чтобы увидеть, если появится какое-нибудь знакомое лицо, и, к тому же, проверить, не спустилась ли его будущая жена Мартина с первого этажа. Не потому, что она могла бы обидеться на него из-за его молодых спутниц, но и ему тоже было бы неприятно развлекаться с молоденькими девочками, если бы Мартина была где-нибудь поблизости. В конце концов, он по-своему

ее любит, и они планируют в скором времени пожениться. Кроме того, Сильван на первом этаже задержался, потому что знал, что Мартина должна быть все время наверху, где-то рядом со своим портретом. Эти деланные и вынужденные пидоры критик Доли и остальные *специалисты* в области художественного творчества, слово «специалист» Сильван проговорил про себя как ругательное слово, оккупировали ее и она должна им рассказывать о том, как старик рисовал и что говорил во время работы, что делал и как он смешивал цвета и ел ли он что-нибудь во время работы, может быть, что-то пил и подобные вещи.

Портрет его будущей жены, который притягивал столько внимания на выставке, по правде говоря, ему совершенно не нравился. Старик написал необычайно страдающее лицо, как у какого-нибудь Христа. К тому же, он писал портрет почти сразу после той их ссоры. На картине можно разглядеть даже небольшие синяки около глаза. Хотя она утверждала, что она не рассказывала старику, что он ее ударил. Может быть, и правда. Старик такие вещи чувствовал, ему не надо было о них рассказывать. Тогда, после этого, Мартина начала все чаще приходить в мастерскую к старику, подумал еще Сильван.

Портрет Мартины Сильван, один из наследников творчества отца, позволил передать на выставку только для того, чтобы позлить свояченицу, эту Эрику Раймунда. Только вчера утром, в самый последний момент, он смягчился и дал галерее добро. Они тут же с большой радостью пришли за картиной и определили ей почетное место в самом большом и самом главном месте галереи на втором этаже.

Эрика Видиц Кореника была, как и все остальные, которые ничего не знали, была сильно удивлена, когда увидела портрет Мартины на выставке. Ей никак не удавалось скрыть своей зависти, ведь ее прекрасного лица Каролу Кореники никогда не приходило на ум запечатлеть. Много бы она дала, чтобы *ее* портрет, портрет Эрики, висел сегодня здесь.

Сильван посмотрел на свою свояченицу. Наблюдать, как она мучается, было так приятно. Все время речи в честь открытия выставки этого маленького Доли, когда Эрике приходилось смотреть на портрет Мартины, она переминалась с ноги на ногу, словно ее мучила подагра. Сильван улыбнулся. Смотрите на нее, прямо сейчас, подобно вороне, кружит взглядом по первому этажу галереи. Она встала на лестницу, чтобы лучше видеть. Пусть только смотрит внимательно, чтобы ничего не упустить. Но, и его пусть тоже слышит, думал Сильван Кореника, и специально преувеличенно громко засмеялся вслух.

Мартину Заец обуревали смешанные чувства. Как и всех остальных, Сильван и ее удивил решением разрешить выставить ее портрет. Это был ее единственный портрет, который Карол написал маслом на полотне. Он много раз ее изображал, но в основном это были наброски, рисунки карандашом и углем. И лишь единственный раз он решил писать на холсте. Это было в начале двухтысячного года, вспоминала Мартина Заец, почти сразу после того, как улегся ажиотаж по поводу перехода в новое тысячелетие. Во время одного из припадков ярости Сильван сильно ее ударил. Потрясенная и разочарованная, она зашла в мастерскую к Каролу. И тогда, после этих побоев, Карол Кореника взял самый большой холст, какой был в мастерской, и начал писать ее портрет.

Еще до этого Мартина была желанной гостьей в мастерской, это она чувствовала по отношению к ней Карола, и после произошедшего она стала навещать Карола еще чаще. Она никогда ничего не рассказывала своему тестю, как про себя называла Карола Коренику Мартина. Он знал, что произошло, а она знала, что он знает. Им было достаточно того, что она ему позировала, заваривала ему чай, помогала переставлять тяжелые предметы в мастерской. И ее сын Мирко, сын, который родился после коротких отношений, которые были у нее много лет назад, среди красок, карандашей, книг и картин понял, что мир художественного искусства – это и его мир. Иногда ей даже казалось, что Карол приглашает ее к себе исключительно из-за Мирко. Дни напролет они вместе что-то искали, смотрели, о чем-то разговаривали. Жалко, что тесть умер, он был бы очень рад, если бы узнал, что в этом году Мирко удалось поступить в художественную академию.

Теперь Мартина стояла рядом со своим портретом. Картина была не только по выразительности необыкновенно сильной, кроме того, для портрета, хоть и в полный рост, она была необыкновенно большой. Она была два метра в ширину и почти три метра в высоту. На картине – Мартина, одетая в серую юбку и пиджак, сидела в старинном кресле, которое было в ателье у Карола. Ноги она держала сжатыми вместе, отодвинув их влево, сложенные руки лежали на ее юбке. Ее волосы были взлохмачены, не уложены. Она смотрела прямо из картины, но не так, как Мона Лиза, о которой большая часть людей знает только то, что она *смотрит на тебя, куда бы ты ни пошел*. Мартина Заец же смотрела прямо на человека, но при этом так, словно она смотрела сквозь него. Она смотрела куда-то вдаль. В выражении ее лица была смесь страдания, смирения и протеста. Кореника ее не приукрасил, а, наоборот, подчеркнул ее неухоженную кожу, уставший взгляд или, как сказал Доли немногим раньше: *трагизм жизни*.

Ей не нравилось, что картина была на выставке, она слишком сильно ее обнажала. Мартине казалось, что все видят ее нутро, она чувствовала себя так, как будто она голая сидела перед всеми ними. И только крошечным кусочком женского тщеславия ей нравилось, что ее портрет, названный просто «Мартина»,- большая и важная часть выставки. Кроме того, важным ей казался факт, что, если не считать нескольких портретов обеих жен Карола, это был единственный женский портрет на выставке.

Еще меньше тот факт, что картина оказалась на выставке, пришлось бы по душе ее сыну. Этот портрет – когда картина создавалась, он был все время в мастерской, ему было четырнадцать лет и он явно ощущал, как страдает мать, хотя она и скрывала от него ссоры с Сильваном – для него был чем-то вроде серьезной личной исповеди. Чем-то вроде дневника, который является вещью очень личной. Хорошо, что не знает.

«И, дорогая Мартина, как проходят приготовления к свадьбе?»

Мартина Заец должна была сделать усилие, чтобы вернуться в реальность. Она осознала, что рядом с ней стоит художественный критик и владелец галереи Роман Доли и о чем-то ее спрашивает.

«Спасибо, Роман, думаю, что мы сейчас зашли настолько далеко, что в конце концов решимся на этот шаг».

«Какое ему до этого дело?» - думала Мартина. Она не будет ему объяснять, что несмотря ни на что, она любит Сильвана как и он ее, по-своему, именно так. В любом случае, это касается только ее. И сына, конечно, но он уезжает. В октябре он начал учиться в Любляне, и уже около года встречается с симпатичной девушкой. Рано или поздно она останется одна и... Сильван после того случая ее ни разу не ударил. За десять лет совместной жизни они нашли какое-никакое равновесие в отношениях, и в браке должно быть во всяком случае терпимо. Поэтому она выйдет за него замуж.

«Вот», сказал Роман Доли Мартине и подвел к ней невысокого господина в идеально отутюженном костюме. – «Господин Либманн, Ира Либманн, мой ценный гость из России, владелец галереи. Ему нравятся картины вашего тестя и он только что сказал мне, что ему хотелось бы познакомиться с *Мариной*».

